

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Б27

Andrea Busfield
BORN UNDER A MILLION SHADOWS

Перевела с английского
Инна Шаргородская

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Ирина Бабушкина

Басфилд А.

Б27 Неверная : [роман] / Андреа Басфилд; [пер. с англ. И. Шаргородской]. — СПб. : Аркадия, 2020. — 336 с. — (Серия «Роза ветров»).

ISBN 978-5-906986-60-3

История любви англичанки Джорджи и влиятельного афганского наркодилера Хаджи Хана, которую поведал нам подросток по имени Фавад. Эта любовь была наполнена нежностью, драматизмом и... безысходностью. Она была обречена — ведь между истинным мусульманином и «неверной» не может быть ничего общего. Но так ли это на самом деле?

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-906986-60-3

© Andrea Busfield, 2009
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2020

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

1

Зовут меня Фавад, и родился я, как говорит моя мать, под тенью талибов.

Что это значит, она никогда не объясняла, и раньше мне виделась такая картинка: она уходит с солнечного света во тьму и прячется в углу, чтобы защитить живот, в котором скрываюсь я, от человека с палкой наготове, собирающегося выколотить меня из моего укрытия в мир.

Потом я подрос и понял, что под этой тенью родился не только я, но и мой двоюродный брат Джахид, и мой лучший друг Спанди, и девочка Джамиля, с которой мы вместе попрошайничали на Чикен-стрит у иностранцев.

Лицо Спанди, еще до того, как я с ним познакомился, было изъедено песчаными мухами — язва заживала целый год, и на щеке остался шрам величиной с кулак. Его это, правда, не беспокоило, да и нас тоже. Пока мы торчали в школе, он продавал богатеньким иностранцам спанд¹, отчего мы и звали его Спанди, хотя его настоящее имя было Абдулла.

Да, мы все родились во времена талибов, и Джахид тоже. В нашей компании он верховодил, потому что был старше, а насколько — никому неизвестно. Мы, афганцы, дней рождения не отмечаем, запоминаем только победы и смерть. Однако о талибах, отбрасывающих

---

¹ Трава, дым которой якобы отгоняет злых духов. *Здесь и далее — примечания переводчика.*

ть, я точно не слышал ни от кого, кроме своей матери, и думаю, что, умея она читать и писать, могла бы стать поэтессой. Вместо этого — на все воля Аллаха — она мыла полы у богачей за несколько афгани, которые прятала потом в своей одежде и караулила по ночам.

— Кругом воры! — сердито шипела она, сердито сдвигая брови. И была, разумеется, права. Одним из них был и я.

В то время никто из нас не считал это воровством. Джахид, разбиравшийся в таких вещах, объяснял:

— Это этическое распределение богатства.

— Раздел денег, — добавляла Джамия. — У нас ничего нет, у них есть все, но они слишком жадные, чтобы помогать бедным, как велит священный Коран. Поэтому мы должны помогать им быть добрыми. Они вроде как платят за нашу помощь, только не знают этого.

Не все, правда, иностранцы платили за нашу «помощь» без ведома для себя. Некоторые давали деньги сами: кто от хорошего настроения, кто от стыда, а кто и просто в надежде от нас избавиться. Но это, разумеется, не спасало, ведь, когда по улице разгуливают доллары, на смену одной шайке тут же является другая. Но нам было весело. Под тенью родившиеся или не под тенью, сейчас мы с Джахидом, Джамилей и Спанди жили под солнцем, распределяя богатства тех, кто приехал нам помогать.

— Это называется «реконструкция», — сообщил нам однажды Джахид, когда мы сидели на поребрике, поджидая очередную жертву. — Иностранцы, чтобы уничтожить талибов, разбомбили нашу страну и теперь приезжают сюда, потому что должны все отстроить заново. Так приказал Всемирный Парламент.

— А почему они хотели уничтожить талибов?

— Потому что талибы дружили с арабами, и у их короля Усамы бен Ладена был дом в Кабуле, и там он со своими сорока женами наделал сотни детей. Американцы бен Ладена ненавидели — он трахал жен без перерыва, и скоро у него получилась бы целая армия из детей, тысячи, а может, и миллионы. И тогда они взорвали дворец у себя в стране и обвинили в этом его. А потом отправились в Афганистан, чтобы и его самого убить, и жен, и детей, и всех его друзей. Это, Фавад, называется «политика».

Джахид был, пожалуй, самым образованным мальчиком из всех, кого я знал, потому что читал газеты, которые мы находили на улице. А еще — ловким вором. В иные дни, пока мы, младшие, отвлекали какого-нибудь иностранца своими приставаниями, он уходил с руками, полными долларов, вытянутых у того из карманов. Но если я родился под тенью, то Джахид наверняка родился под неотрывным взглядом самого дьявола, потому что, по правде говоря, он был невероятно уродлив. У него были пеньки вместо зубов, сплошь коричневые, и один глаз жил вполне самостоятельной жизнью, вращаясь в своей впадине, как мраморный шарик в коробочке. И еще одна нога у него была такая ленивая, что ему приходилось силком заставлять ее двигаться в согласии с другой.

— Грязный воришка, — так отзывалась о нем моя мать. Впрочем, у нее редко находилось доброе слово для кого бы то ни было из родственников ее сестры. — Держись от него подальше... забивает тебе голову всякой чушью.

Как она себе это представляла, чтобы я держался от Джахида подальше, оставалось только гадать. Но со взрослыми вечно так, они требуют невозможного

и, если ты не в состоянии их послушаться, превращают твою жизнь в каторгу.

Дело в том, что мы жили под одной крышей с Джахидом, его матерью — жирной коровой, его отцом — ослом, и двумя его чумазыми братьями, Вахидом и Обейдаллахом.

— Все — мальчики, — гордо заявлял мой дядя.

— И все уроды, — бормотала мать, подмигивая мне из-под чадара², потому что мы вдвоем им противостояли, и пусть у нас не было ничего, зато смотрели мы с ней в одну сторону.

На всех семерых приходились четыре маленькие комнатки и одна уборная во дворе. И как тут держаться от Джахида подальше? С тем же успехом можно было бы потребовать, чтобы президент Карзай враз решил все проблемы. Мать, впрочем, никогда ничего не объясняла. Не сказала и теперь, каким образом мне держать дистанцию. На самом деле в те времена она вообще мало разговаривала.

Лишь изредка, отрываясь от шитья, она рассказывала мне о доме, который был у нас когда-то в Пагмане. Я там родился, но уехали мы прежде, чем я мог бы хоть что-то запомнить. И воспоминания я обретал, слушая рассказы матери и глядя, как наполняются гордостью ее глаза, когда она описывает разукрашенные комнаты, устланные толстыми темно-красными подушками, занавески на стеклянных окнах, кухню, столь чистую, что можно было есть с пола, и сад, полный желтых роз.

— Мы не были богаты, как жители Вазир-Акбар-Хана³, Фавад, но мы были счастливы, — говорила она. — Конечно, до того, как пришли талибы.

---

² Афганская разновидность паранджи.

³ Фешенебельный район Кабула.

А сейчас — посмотри на нас! У нас даже деревья нет, чтобы на нем повеситься.

Не требовалось большого ума, чтобы понять, как тяжело она это переживает.

Мать никогда не рассказывала о родных, которых мы потеряли, только о доме, нас укрывавшем, — не слишком надежно, как выяснилось. Но по ночам она порой шептала имя моей сестры. А потом притягивала меня к себе и обнимала. И я понимал, как сильно она меня любит.

В такие минуты мне, лежавшему неподвижно, словно одна из тех подушек, на которых мы сидели днем, отчаянно хотелось с ней заговорить. Слова так и теснились у меня в голове, рвались с языка. Я желал знать все о своем отце, о своих братьях, о Мине. Познакомиться с ними, увидеть их живыми — хотя бы в описаниях матери. Но она всегда шептала только имя моей сестры, и я трусливо молчал, опасаясь, что, заговорив, нарушу чары и она от меня отодвинется.

Мать просыпалась на рассвете, вставала, надевала чадар. И, уходя из дома, выдавала мне кучу указаний, первым из которых было «не прогуливай школу», а последним — «держись подальше от Джахида».

Я, как мог, старался им следовать из уважения к матери — в Афганистане матерей ценят выше, чем все золото, что хранится в подвалах президентского дворца, — но порой это бывало нелегко. Она не била меня, в отличие от отца Джахида, который считал, что имеет Богом данное право отвесить мне затрещину в любой день, когда солнце встанет. Но если я не слушался матери, у нее в глазах появлялось выражение, которое, как я подозревал, поселилось в них с того самого дня, как я выбрался из тени, — выражение разочарования.

Я был еще ребенком, но все же понимал, что жизнь наша тяжела. Для меня, правда, она всегда была такой, другой я не знал. Мать же, помнившая темно-красные подушки и желтые розы, жила в плену у прошлого, мне почти неизвестного, и в этот ее плен я лишь пытался заглянуть.

Насколько я помню, мать жила там постоянно, но мне нравилось думать, что когда-то она была счастлива, смеялась вместе с моим отцом у чистых вод озера Кага, и ее зеленые глаза, которые я унаследовал, светились любовью, а маленькие руки, мягкие и гладкие, играли с краем золотого покрывала.

«Прежде она была очень красива», — так сказала однажды моя тетя во внезапном приступе общительности. Но потом пала тень, и, хотя мать ничего подобного не говорила, мне казалось, что она во всем винит меня. Я был напоминанием о прошлом, из-за меня она попала в ад, лишенный цветов, — в дом своей сестры, а свою сестру, насколько я мог судить, мать ненавидела даже больше, чем талибов.

— Да она мне завидует! — кричала она как-то раз, достаточно громко, чтобы слышала тетя в соседней комнате. — Всегда завидовала — и тому, что я умнее ее, и тому, что я вышла замуж за образованного человека, и жизни нашей с ним счастливой завидовала... я устала просить за все это прощения! Если Аллах наградил ее вместо лица треснувшим арбузом и дал тело под стать, не моя в том вина!

— Это — женщины, такими уж они рождаются, — сказал Джахид, когда мы в очередной раз сбежали от криков и брани в центр города — воровать у иностранцев. — Счастливы, только когда грызутся друг с дружкой. Подрастешь — поймешь. Женщины вечно все усложняют, так отец говорит.